

От автора

Документально подтвержденных описаний боевых действий высадившихся в районе Южной Озерейки (Озереевки) морских пехотинцев крайне мало. Поэтому многие подробности событий начала февраля 1943 года реконструированы автором на основе достаточно скудных исторических материалов или полностью выдуманы.

Также хотелось бы заметить, что автор в курсе выхода в 2019 году книги местного краеведа Романа Талдыкина «Южно-Озерейская десантная операция», однако по ряду объективных причин, увы, не имел возможности ознакомиться с ней во время написания этого романа. Имена некоторых командиров РККА и РККФ изменены или вымышлены.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В Вихре Времени» (forum.amabrov.ru).

Спасибо большое, друзья!

Пролог

*Новороссийск, район пос. Мысхако,
наши дни, за месяц
до описываемых событий*

Иссушенная летним зноем земля неохотно отдавала останки тех, кто семьдесят с лишним лет назад обильно полил ее собственной кровью. Металлодетекторы заходились заполошным разноголосым воем на каждом сантиметре, лопаты ежеминутно звякали, наткнувшись на очередной осколок снаряда или хвостовик немецкой мины — почва в районе бывшей Станички была буквально нашпигована ржавым железом. Казалось, где ни копни, куда ни погрузи поисковый щуп, обязательно наткнешься на страшное свидетельство тех двухсот двадцати пяти героических дней. Встречались, хоть и не столь часто, и неразорвавшиеся боеприпасы, однако опытные следопыты прекрасно осознавали риск и знали, как себя вести в той или иной ситуации. Да и профилактические занятия, проводимые знакомыми саперами под видом выезда «на шашлыки», никто из них не прогуливал, отлично понимая, что от этого может зависеть их жизнь.

Тем не менее новороссийским поисковикам удалось поднять за неполную неделю вахты почти два десятка бойцов. К сожалению, ЛОЗов¹ пока обнаружили только пять штук, прочитать из которых удалось лишь два. Остальные оказались или изначально не заполненными, или утратили герметичность, в результате чего вкладыш давным-давно сгнил. Собственно, уже само их наличие было большой удачей: к сорок третьему году медальоны-«смертники» официально упразднили. Некоторые бойцы изготавливали их самостоятельно, из винтовочных или пистолетных патронов, закрывая самодельный опознавательный знак перевернутой вершинкой вниз пулей, деревянным чопиком или насаживая друг на друга две гильзы от ТТ.

Впрочем, отсутствие или повреждение медальона еще не означало, что бойцы останутся неопознанными: оставалась надежда на номера наград и «подписные» личные вещи, при помощи которых порой тоже удавалось идентифицировать погибшего, вычеркнув его из скорбных списков пропавших без вести...

Сегодняшний день — предпоследний перед окончанием раскопок — начался достаточно многообещающе. Сначала зацепили верхового бойца, затем, когда стали расчищать анатомию «под кисть», поняли, что он не единственный. За семь минувших десятилетий кости причудливо переплелись между собой, однако к обеду

¹ ЛОЗ — личный опознавательный знак, в просторечьи — «смертный медальон». Закручивающийся бакелитовый футлярчик с бумажным вкладышем-анкетой внутри. Отменен приказом НКО в ноябре 1942 года.

стало окончательно ясно, что в бывшем пулеметном окопе находятся двое красноармейцев — пулеметчик и его второй номер. Судя по всему, парней никто специально не хоронил, просто завалило близким разрывом крупнокалиберного снаряда или авиабомбы — о том, сколько сотен тонн смертоносного металла и взрывчатки сбросили фашисты за семь с половиной месяцев на крохотный, площадью меньше тридцати километров, плацдарм, никому из военных археологов рассказывать было не нужно.

Оба бойца оказались при личном оружии и в полном обвесе — не считая, понятно, самого пулемета, искореженного осколками максима с сорванным ударной волной щитком. Плюс патронные коробки со сгнившими брезентовыми лентами, набитыми нерастроченными боеприпасами, и сотни, если не тысячи стреляных гильз на самом дне окопа. И, самое главное, среди желто-черных, источенных временем костей нашелся и долгожданный бакелитовый футлярчик, с виду не слишком пострадавший. Значит, оставалась надежда, что удастся вернуть еще одному павшему герою имя, а его останки — родственникам, буде те еще живы, конечно. Судя по наличию «смертника», боец успел повоевать, возможно, даже с самого начала войны.

Но было и еще кое-что. Кое-что абсолютно непонятное, найденное уже под самый конец поискового дня. В брючном кармане второго красноармейца (точнее, в том месте, где он некогда находился) обнаружился перочинный

ножик. Весьма желанная находка, поскольку владелец, как правило, старался выцарапать на накладках рукоятки свои инициалы: складной нож, да еще и с несколькими лезвиями — штука по военному времени достаточно ценная. ЛОЗа при нем не имелось — видимо, был совсем молодой.

Впрочем, проблема оказалась в ином: наспех отерев нож о брючину выдавшего виды камуфляжа, Серега Ерасов несколько секунд вглядывался, поворачивая находку под разными углами, зачем задумчиво хмыкнул и протянул артефакт товарищу, Лешке Семенову:

— Леша, глянь, чо еще за хрень? Это у меня глюки или тут реально какая-то фигня происходит?

Второй поисковик устало отложил кисть, поворачиваясь к товарищу:

— Чего там у тебя?

Повертев в заскорузлых за дни раскопок пальцах залепленный глиной предмет, равнодушно пожал плечами:

— И что с ним не так? Ну ножик, ну перочинный. По ходу, трофейный, как бы не натуральная Швейцария, подобные там еще с позапрошлого века выпускались. Убитый, правда, в хлам, хотя можно попробовать отмочить, но без гарантии. Ну и?

— Значок ни разу не «викторинокс», просто похож, — подсказал Ерасов. — Хотя не в том суть. Надпись глянь. Вон там, ага.

— Мэйд ин... — Семенов очумело взглянул на друга. — Что за байда?! Какой еще нафиг Китай в сорок третьем, да еще и по-английски?

Серый, признавайся, ты где это взял? Или прикалываешься? Так я сейчас сильно не в духе, могу и фискарем огреть!

— Здесь я взял, здесь. Вон там, собственно, видишь, отпечаток в грунте остался? Мы ж с тобой вместе позицию с нуля вскрывали, сам видел, немародеренная она была. И перемещенка обычная, и все нижние слои в полном соответствии аж до самого материка. Никто бойцов с того времени не трогал однозначно. Я десять лет в поиске, насмотрелся уже. Ну чего думаешь?

— Ничего не думаю, — засопел Алексей. — Егорычу нужно показать, вот чего. И накатить по сто фронтовых, по ходу. Поскольку иначе мы с тобой, Серый, реально во всяких попаданцев поверим!

— Это как в том фильме, что ли? — оживился товарищ. — И в книжках всяких?

— Типа того, — буркнул поисковик, не собираясь развивать тему. — Короче, зачищай пока бойца дальше, да повнимательнее, вдруг еще чего непонятного найдешь. А коль и на самом деле найдешь, так не трогай, пусть лежит, где лежало. Сейчас вернусь.

Запахнув находку в карман, Алексей выбрался из раскопа. Ерасов хихикнул в спину:

— Лех, а не боишься, часом? Вдруг тебя эта штуковина в прошлое закинет? Вот споткнешься сейчас, башкой ударишься — бац! — и очнешься уже в сорок третьем на Малой Земле. Поглядят наши на твой комок бундесовский, на ботинки непонятные, да сразу к стенке и прислонят, как фрицевского шпиона.

— Пошел в задницу! — заржал Семенов, оценив шутку. — Копай давай, копарь с десятилетним стажем! Я скоренько...

Алексей вернулся не один. Вместе с ним и легендарным командиром отряда Виктором Егоровичем (легендарным, поскольку тот не только стоял у истоков местного поискового движения, но и воевал в Афгане, привезя оттуда два ордена и оставив взамен три пальца левой руки, оторванные сработавшей при обезвреживании душманской миной-ловушкой) пришел незнакомый старлей со знаками различия морской пехоты ЧФ.

Егорыч остановился на краю раскопа и обратился к Ерасову:

— Знакомься, боец, с товарищем старшим лейтенантом! Сын моего фронтового дружка, Степка Алексеев. Сто раз пытался его к нам заманить — ни в какую. Не интересуется, понимаешь ли, нынешняя морская пехота своим героическим прошлым! А тут вдруг сам позвонил и в гости заехал. Неожиданно, что особо приятно! Учения у них где-то в этих краях, вишь ли, намечаются! Только сели с товарищем лейтенантом чайку-кофейку попить — Лешка прибегает, чудеса какие-то рассказывает.

При этих словах стоящий рядом Семенов, не сдержавшись, фыркнул, отреагировав на этот самый «чаек-кофеек». Оно и понятно: где ж это видано, чтобы Егорыч встречал гостей безалкогольными напитками?

— Так чего случилось-то? Показывай, где ты этот ножик-то накопал? — Виктор Егорович

спустился вниз, профессионально-внимательно осмотрел место находки, крикнул:

— Больше ничего странного в личном не нашел?

— Абсолютно, — пожал плечами Сергей. — Стандартный набор, мыльно-рыльные, зеркальце расколотое, карандашик гнилой и портмоне с монетками. Все. Ну плюс ЛОЗ у его товарища, только не факт, что читаемый, крышка на пол-оборота скручена, наверняка влага проникла. Вечером раскроем, поглядим.

— Понятно, — помрачнел Егорыч, задумчиво вертя в руке поддельный «викторинокс». — Добро, заканчивайте тут, я пока по другим пацанам пробегусь. Покажу, так сказать, нашему гостю, чем мы тут вообще занимаемся. А насчет ножичка особо не парься, всякое случается, уж поверь моему опыту. Хотя надпись, конечно, странная, с этим я всецело согласен.

— Разрешите посмотреть? — неожиданно подал голос старший лейтенант, помогая командиру отряда выбраться из раскопа.

Изучив находку, морпех хмыкнул:

— В принципе, я в ваших делах ничего не понимаю, но штуковина знакомая. На любом рынке продается, от силы рублей двести стоит. И уж точно на Швейцарию не тянет, обычный китайский ширпотреб. Сталь никакая, мягкая слишком. И ржавеет, зараза.

— В каком смысле? — мгновенно напрягся Егорыч. — Ты что, видал подобные?

Алексеев широко улыбнулся, копаясь в набедренном кармане камуфляжа:

— Да вот, собственно, так-то оно нагляднее будет...

И выложил на ладонь еще один в точности такой же.

Обступившие старшего лейтенанта поисковики пораженно глядели на два практически идентичных предмета. Или не практически, а абсолютно идентичных. С той лишь, понятно, разницей, что один был старше второго более чем на семь десятков лет...

— Вот так ни... чего себе, — пробормотал Сергей, осторожно, словно неразорвавшуюся гранату, беря в руки оба ножа. Повертел, внимательно осматривая, зачем-то раскрыл и убрал обратно в корпус лезвие, протянул Семенову. — Реально один в один! Даже царапина на левой накладке похожая. Что за фигня-то такая происходит, а? Товарищ старший лейтенант, а вы где свой ножик взяли?

— Ну не украл же, — усмехнулся морпех. — На рынке купил, на лотке. Сто раз выбросить собирався, а все таскаю с собой зачем-то. Подарить?

— Нет! — Ерасов резко отшатнулся, в первый момент даже не осознав, чем именно вызвана столь неожиданная реакция. — Не нужно, сами ведь сказали, что сталь никакая. Да и вообще, у меня свой имеется, нормальный...

Хмыкнув, старший лейтенант пожал плечами:

— На нет и суда нет.

— А знаете что, ребятки, — задумчиво протянул Виктор Егорович. — Я ни в мистику, ни в попаданцев этих ваших не верю и верить не

собираюсь, так что заканчивайте-ка работу, раскладывайте бойцов на баннера и все такое прочее, не мне вас учить. А мы с товарищем лейтенантом пока по другим позициям пройдемся. Степа, ты ступай вперед, сейчас догоню.

Дождавшись, пока морской пехотинец отойдет метров на пять, Егорыч негромко сообщил:

— И вот еще чего скажу: вы глупости-то из головы выбросьте! Думаете, не догадываюсь, что вам сейчас в башку пришло? Начитались, понимаешь, книжек всяких! Степка, если у кого подобная мысль появилась, там, — он кивнул в сторону раскопа, — никак оказаться не может! Хотя бы потому, что он на целую голову выше и в плечах куда шире. Понятно? И на этом все, об остальном вечером поговорим. Все, работаем, до темноты еще куча времени...

Глава 1

МАНЕВРЫ

*Район Южной Озереевки, борт
БДК «Новочеркасск», наши дни*

Из-за внезапно поднявшегося волнения высадку отложили почти на два часа. Все это время БДК отнюдь не отстаивался на дальнем рейде, а активно маневрировал, имитируя уклонение от вражеского огня с берега, что не добавляло находящимся на борту морским пехотинцам особого оптимизма. Когда волны опали до трехбалльной отметки, десантный корабль, аккуратно подрабатывая дизелями, развернулся носом к берегу и дал малый вперед, выходя в район десантирования.

Комвзвода старший лейтенант Степан Алексеев, получив от мрачного ротного последние наставления, в сухом остатке, то бишь за исключением второго командного, выразившиеся в строжайшем приказе «здраться нахрен и снаружи не отсвечивать, поскольку море беспокойное, а синоптики с их прогнозами — чудаки на букву “м”», забрался внутрь родного бронетранспортера и, не скрываясь, улыбнулся. Ну наконец-то! Поскольку валяло корабль, несмотря на четыре тысячи тонн водоизмещения, весьма прилично. Вроде и шторм не шибко серьезный, но все одно неприятно — за возможность подходить вплот-